УДК 94(47)"1914/1915":355.257.72

Воронин Г.Г. аспирант кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия)

В ПОИСКАХ ПОРЯДКА: СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ НАДЗОРА ЗА ВОЕННОПЛЕННЫМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1915)

В статье на основе комплекса архивных документов – губернаторских рапортов, ведомственной переписки, циркуляров военного ведомства и материалов Департамента полиции – анализируется процесс становления системы надзора за военнопленными на территории Российской империи в начальный период Первой мировой войны. Исследование показывает, что система надзора формировалась в условиях традиционно существовавшей раздробленности между Министерством внутренних дел и Военным ведомством, отсутствия единых стандартов и традиционной нехватки ресурсов. На местах надзорные практики варьировались в широких пределах – от относительно строгого режима до полной небрежности. В статье особое внимание уделяется конфликту компетенций между гражданской и военной властью, а также своеобразной оценке надзора – реакции населения, давлению общественного мнения. Автор приходит к выводу, что неготовность бюрократической машины к масштабам начавшейся войны, проявившаяся в «вопросе о военнопленных», была одним из признаков системного кризиса, который в конечном счете привел к крушению империи.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, надзор, Российская империя, губернаторы, Департамент полиции, Министерство внутренних дел, Военное министерство, гражданско-военные отношения.
DOI: 10.22281/2413-9912-2026-10-03-23-28

Введение. Начало Первой мировой войны поставило перед Российской империей задачи беспрецедентного масштаба. В числе прочих – проблема приема, размещения и содержания сотен тысяч военнопленных армий Центральных держав, а также интернирования гражданских подданных враждебных государств, высланных из прифронтовой полосы в глубь страны. К 1917 г. на территории России насчитывалось более 400 лагерей для военнопленных, которые имели привязку к военным округам [1, с. 54], а общее число взятых в плен солдат и офицеров противника измерялось миллионами. Однако материально-технические трудности размещения и снабжения пленных, которые были вызваны отсутствием специальной предварительной подготовки, являлись лишь частью проблемы. Не менее остро стоял вопрос об организации надзора – о том, кто, как и с какой эффективностью должен был контролировать поведение многотысячных масс «вражеских подданных» в российском тылу. Ответ на этот вопрос оказался далеко не простым, поскольку бюрократическая машина мирного времени, не подготовленная к масштабам небывалой войны, продемонстрировала глубокие организационные противоречия и ведомственные конфликты. Результат проявился в неспособности выработать единую межведомственную политику, в которую активно включились Военное министерство, Министерство внутренних дел и Министерство иностранных дел, а также многочисленные ведомства, отвечавшие за развитие отдельных направлений экономической политики.

Объекты и методы исследования. Тема военного плена в годы Первой мировой войны на сегодняшний день имеет достаточно обширную отечественную и зарубежную историографию. При этом некоторые важные вопросы организации пребывания пленных в местах содержания на территории России, эффективности надзора за ними в масштабе всей страны до сих пор остаются вне поля исследовательского интереса.

На заключительном этапе существования Российской империи масса военнопленных, в своем большинстве явно недружественно настроенных, являлась дестабилизирующим фактором, так или иначе влиявшим на развитие социальных, экономических, а затем и политических процессов.

Постсоветская российская историография, начало которой было положено в 1990-е гг., отказалась от предшествующей «интернационалистской» тематики, исчерпавшей себя уже в 1970-е гг. Главной особенностью

© Воронин Г.Г.
© Voronin G.G.

современного историографического периода явилось региональное изучение особенностей плена, продемонстрировавшее широкую его географию [2, 4, 5]. Своеобразным подведением итогов этой активной исследовательской деятельности явилась докторская диссертация Н.В. Суржиковой [8], являющейся признанным специалистом в изучении истории военнопленных Первой мировой войны, беженцев, военного плена в российской провинции. Комплексно рассмотрели военнопленных как составную часть массовых перемещений населения И.Б. Белова и О.С. Нагорная [1, 6]. Тем не менее все перечисленные работы при своих несомненных достоинствах только фрагментарно затрагивают военно-полицейский надзор, который при этом не рассматривается как единый институциональный комплекс, включавший правовую базу, структуру органов, методы работы и причины кризиса.

В статье применялись как общенаучные и специально-исторические методы, так и историко-правовой – для анализа законодательных актов и нормативных документов. Наряду с конвенциями, соглашениями и положениями, представляющими документы международного и российского права, источниковую базу исследования составили материалы организаций и ведомств, имевших непосредственное отношение к военному плену. В статье широко использовалась делопроизводственная документация Департамента полиции, хранящаяся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, фонд 102).

Результаты и их обсуждение. Уже в первые недели войны стало ясно, что армия не справляется с потоком пленных. В середине октября 1914 г. Главное управление Генерального штаба в ответ на запрос из другого ведомства было вынуждено признать, что «точного списка губерний, где есть военнопленные … за трудностью предоставить не может» [3, л. 72]. То есть главный военный орган страны, не знал, где именно во внутренних губерниях находятся десятки тысяч пленных, что является показателем определенной неразберихи начального периода, поводом к предположению, что на местах пленные размещались часто стихийно в пустующих казармах, учебных заведениях, монастырях или частных домах.

Сложившаяся в условиях начала войны ситуация с расселением военнопленных была учтена при разработке Военным министерством и утвержденном 7 (20) октября 1914 г. Николаем II «Положения о военнопленных». Пункт 56 документа гласил: «Состоящие при местных частях военнопленные размещаются в имеющихся в местах расположения частей, – по представлении последним возможных удобств размещения, – свободных казармах, за неимением же таковых, пленные размещаются в частных домах, непременно казарменным порядком, руководствуясь общими на сей предмет указаниями Устава о земских повинностях» [7, л. 7]. Определение размеров помещений, отводимых для пленных, возлагалось на губернские распределительный комитеты или заменяющие их установления.

При этом местные власти не спешили сообщать в центр о результатах своей деятельности, поскольку, очевидно, не рассчитывали на возможное получение необходимой помощи. В этой ситуации надзор за пленными неизбежно становился делом местного административного творчества.

«Положение о военнопленных», разработанное Военным министерством, базировалось на нормах Гаагской конвенции 1907 г., предписывало гуманное обращение с пленными как с «законными защитниками своего отечества» (п. 3), гарантировал свободу вероисповедания, неприкосновенность личного имущества и материальное обеспечение на уровне русских солдат и офицеров (п. 4, 5). Однако между законодательной нормой и административной практикой постоянно существовал определенный разрыв, который в некоторых пунктах достигал значительных размеров и изменялся в зависимости от общей военной и политической обстановки.

Так, «Положение», как уже отмечалось, предписывало казарменное содержание пленных под надзором военных властей, но уже в первые месяцы войны Главное управление Генерального штаба отдало распоряжение размещать пленных по деревням и селам на постой к обывателям «с передачей надзора чинам полиции и с возложением на жителей этих местностей обязанности продовольствовать пленных за кормовой оклад» [3, л. 120]. Предписание на этот счет было отправлено всем командующим войсками в округах, за исключением Московского

военного округа.

Это было дешевле и проще для военных, но прямо противоречило закону. Министерство внутренних дел дважды – 7 и 26 января 1915 г. – обращалось к военному министру с требованием либо изменить Положение через Совет министров, либо отменить ведомственный приказ о порядке размещения пленных [3, л. 120 об.].

Однако губернаторы не могли противиться военным приказам и на местах уже начали размещать пленных по деревням. Эта ситуация стала первым симптомом назревавшей серьезной проблемы, которая явилась следствием того, что основное заведование военнопленными осуществляло Главное управление Генерального штаба, но реальный надзор за их поведением в тылу ложился на плечи гражданской администрации и полиции, не имевших для этого ни ресурсов, ни четких полномочий.

Системы надзора, как она предстает из анализа документов 1914–1915 гг., по определению исследовательницы Н.В. Суржиковой, «характеризовалась раздробленностью и аморфностью» [9, с. 5], поскольку помимо собственно лагерей, она была представлена различными «внелагерными» структурами.

На местах действовали как минимум два центра власти, часто не координировавших свои действия: военное ведомство в лице комендантов, начальников гарнизонов и батальонных командиров отвечало за охрану, расквартирование и трудовое использование пленных. Министерство внутренних дел в лице губернаторов и полиции отвечало за общественный порядок, пресечение контактов с населением и борьбу с «вредным влиянием» пленных. Эта двойственность создавала ситуацию, когда губернаторы не могли гарантировать изоляцию пленных, потому что не являлись единственными ответственными лицами. Распоряжения военных начальников могли противоречить губернаторским, и гражданская власть о них могла даже не знать.

Показательно в этом отношении донесение Харьковского губернатора министру внутренних дел, в котором он докладывал о размещении раненых австрийских и немецких военнопленных отдельно от солдат русской армии с целью предотвращения их общения. При этом он фактически признавал свое бессилие, указывая: «Быть однако уверенным, что приняты решительно все меры… я не могу в этих вопросах», поскольку на его территории действовали два центра власти – он сам и начальник гарнизона. «… и от него исходят распоряжения по этой части, мне зачастую неизвестные» [3, л. 44-44 об.]. Ситуация представляла собой типичный случай «двоевластия», превращавшего систему управления пленными крайне запутанной и неэффективной.

На местах надзорные практики варьировались в широких пределах, создавая в одних губерниях, где военное командование действовало энергично, режим более строгий, а в других – исключительно мягкий. Так, в Оренбурге, Калуге, Киеве пленные содержались в изоляции с караулами, им запрещалось общение с населением, зато в большинстве других регионов, например, в Акмолинской и Томской губерниях пленные пользовались значительной свободой, гуляли по городу, и лишь после вмешательства властей там стали вводиться ограничения [3, л. Л. 89 об.–90]. В Забайкалье массовое скопление более 8500 человек привело к тому, что пленных отпускали без конвоя, а в итоге возникали столкновения с местным населением и нежелательное общение [3, л. 90 об.].

Показательной стала ситуация во Владимирской губернии, где в Иваново-Вознесенске 120 военнопленных были размещены в частном доме, а охрану составляли всего 4 нижних чина, что было явно недостаточно для эффективного контроля. Последствия не заставили себя ждать: пленные беспрепятственно общались с населением через ограду, получая письма, газеты и съестные припасы. Пленных офицеров посещали местные дамы, которые разговаривали с ними на польском и немецком языках, а в городе ходили слухи о кружке русских подданных, помогавших военнопленным офицерам [3, л. 41]. Владимирский губернатор честно признавал, что не может установить, оказывают ли пленные влияние на караульных, так как они фактически все время находились в одном помещении [3, л. 41].

Особую проблему представляли военнопленные, привлеченные к принудительным работам на строительстве стратегических железных дорог. Донесения из Пермской и Пензенской губерний (1915–1916 гг.) рисуют картину системных нарушений надзора, т. к. на участке железной дороги

Казань-Екатеринбург работало 690 военнопленных. Надзор был организован так, что один стражник с револьвером назначался на 100–150 человек, находившихся на двух-трех разных пунктах на протяжении 3–5 верст, что никак не могло способствовать организации эффективного надзора [3, л.142].

Пленные свободно разгуливали по окрестным деревням, попрошайничали, пьянствовали, вступали в конфликты с крестьянами. Одновременно Пензенский губернатор сигнализировал об опасности свободного перемещения пленных по полотну Сызрано-Вяземской железной дороги, по которой шло интенсивное движение поездов со снарядами, артиллерией и войсками. «Большинство пленных славяне и итальянцы, хотя имеются и немцы, но в весьма ограниченном количестве, что на мой взгляд является весьма опасным на такой воинской магистрали», – отмечал губернатор [3, л. 140].

Межведомственный конфликт выражался в том, что принимаемые на местах представителями Министерства внутренних дел решения, зачастую не получали поддержку со стороны военного начальства. В качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся в Костроме в октябре–ноябре 1914 г. Поступавших в город раненых пришлось размещать в учебных заведениях, среди которых особое место занимало реальное училище имени первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича.

Губернатору пришлось договариваться с учебным начальством, поскольку размещение раненых в училище создавало серьезные дополнительные проблемы. Главным аргументом для выделения площадей под госпиталь выступало то, что помещения будут заняты русскими воинами-героями, а в результате там оказались военнопленные.

Губернатор обратился к директору Департамента полиции, ссылаясь на то, что произошедшее вызвало «ропот» среди населения и «волнение умов» [3, л. 65 об.], а тот в своем ответе 30 ноября 1914 г. рекомендовал потребовать «в самой категорической форме» распоряжения от командующего войсками Московского военного округа о полном освобождении костромских госпиталей от военнопленных [3, л. 69].

К решительным действиям костромской губернатор не был готов, и военное ведомство на его просьбу ответило отказом, аргументируя свою позицию тем, что в Московском военном округе насчитывалось 92 госпиталя на 38640 коек, а из них практически половина (19268 мест) занималась военнопленными [3, л. 93]. Не помогло и вмешательство министра внутренних дел Н.А. Маклакова, который напрямую обратился в письме к военному министру В.А. Сухомлинову и просил удалить пленных из училища, имевшего дорогое для населения название [3, л. 69 об.].

Вероятно, это был первый межведомственный конфликт на почве надзора за военнопленными, участниками которого стали руководители двух министерств. В дальнейшем такая практика получила новые мотивы и имела переменный успех, но в данном случае в документе от 30 ноября 1915 г. было зафиксировано, что в Кострому были направлены 306 раненых военнопленных и из них 182 размещены в двух госпиталях, расположенных в зданиях учебных заведений [3, л. 93 об.].

Заключение (выводы). Анализ документов 1914–1915 гг. позволяет сделать несколько обобщающих выводов. Система надзора за военнопленными с самого начала страдала от периодически возникавшей разнонаправленной деятельности военных и полиции. Причина заключалась в различиях стоявших перед ведомствами задач. Для военных на первом месте находилась проблема сбережения потенциала для ведения войны, а Министерство внутренних дел в первую очередь заботилось о сохранении общественного порядка. Принятое в октябре 1914 г. «Положение о военнопленных» не уделяло необходимого внимания этим обстоятельствам и не учитывало особенности современной войны.

В результате практика надзора под давлением местных условий варьировалась в широких пределах – от строгого режима в одних губерниях до отсутствия элементарного контроля и авральной нехватки охраны в других. Постепенно на одно из первых мест выходила также проблема контактов пленных с населением, их способность распространять пораженческие настроения, подрывать патриотический дух.

Список литературы

1. Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО–XXI, 2014. 431 с.

2. Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914–1956 гг.). Владивосток, 2002. 222 с.

3. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 71 1914. Д. 1204. Об установлении надзора за военнопленными.

4. Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск, 2004. 177 с.

5. Калякина А.В. Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922). М.: Кучково Поле, 2015. 304 с.

6. Нагорная О.С. Военный плен Первой мировой на Восточном фронте: традиции «прекрасной эпохи» и тенденции «тотальной войны» // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер. «История России». 2011. № 1. С. 122–134.

7. Положение о военнопленных // Россия. Военные уставы и наставления. СПб., 1914. 9 с.

8. Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). М.: РОССПЭН, 2014. 423 с.

9. Суржикова Н.В. Российский плен 1914–1917 гг.: проблема институциональной атрибуции // Идеи и идеалы. 2014. № 3 (21). Т. 2. С. 5–12.

IN SEARCH OF ORDER: THE FORMATION OF THE SYSTEM OF SUPERVISION OF PRISONERS OF WAR IN THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE INITIAL PERIOD OF THE FIRST WORLD WAR (1914-1915)

Based on a set of archival documents – gubernatorial reports, departmental correspondence, circulars of the military department and materials from the Police Department, the article analyzes the process of formation of the system of supervision of prisoners of war in the territory of the Russian Empire during the initial period of the First World War. The study shows that the surveillance system was formed in conditions of the traditionally existing fragmentation between the Ministry of Internal Affairs and the Military Department, the lack of uniform standards and the traditional lack of resources. On–site surveillance practices varied widely, from relatively strict regime to complete negligence. The article pays special attention to the conflict of competencies between civil and military authorities, as well as a peculiar assessment of supervision – the reaction of the population, the pressure of public opinion. The author concludes that the unpreparedness of the bureaucratic machine for the scale of the outbreak of war, manifested in the "issue of prisoners of war", was one of the signs of a systemic crisis that ultimately led to the collapse of the empire.

Keywords: World War I, prisoners of war, supervision, Russian Empire, governors, Police Department, Ministry of Internal Affairs, Ministry of War, civil-military relations.

References

1. Belova I.B. (2014) Vynuzhdennye migranty: bezhency i voennoplennye Pervoj mirovoj vojny v Rossii [Forced migrants: refugees and prisoners of war of the First World War in Russia]. 1914–1925 gg. M.: AIRO-XXI, 431 s.

2. Bondarenko E.Yu. (2002) Inostrannye voennoplennye na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1956 gg.) [Foreign military personnel in the Russian Far East (1914–1956)]. Vladivostok, 222 s.

3. GARF. F. 102. Op. 71 1914. D. 1204. Ob ustanovlenii nadzora za voennoplennymi [On the establishment of supervision over prisoners of war].

4. Ikonnikova T.Ya. (2004) Voennoplennye Pervoj mirovoj vojny na Dal'nem Vostoke Rossii (1914–1918 gg.) [Prisoners of War of the First World War in the Russian Far East (1914–1918)]. Habarovsk, 177 s.

5. Kalyakina A.V. (2015) Pod ohranoj russkogo velikodushiya. Voennoplennye Pervoj mirovoj vojny v Saratovskom Povolzh'e (1914–1922) [Protected by Russian generosity. Prisoners of war of the First World War in the Saratov Volga region (1914–1922)]. M.: Kuchkovo Pole, 304 s.

6. Nagornaya O.S. (2011) Voennyj plen Pervoj mirovoj na Vostochnom fronte: tradicii «prekrasnoj ehpohi» i tendencii «total'noj vojny» [Military Captivity in the First World War on the Eastern Front: Traditions of the Belle Époque and Trends of Total War] // Vestnik Rossijskogo un-ta druzhby narodov. Ser. «Istoriya Rossii», № 1. S. 122–134.

7. Polozhenie o voennoplennyh (1914) [Regulations on prisoners of war] // Rossiya. Voennye

ustavy i nastavleniya. SPb., 9 s.

8. Surzhikova N.V. (2014) Voennyj plen v rossijskoj provincii (1914–1922 gg.) [Military captivity in the Russian province (1914–1922)]. M.: ROSSPEHN, 423 s.

9. Surzhikova N.V. (2014) Rossijskij plen 1914–1917 gg.: problema institucional'noj atribucii [Russian Captivity in 1914–1917: The Problem of Institutional Attribution] // Idei i idealy, № 3 (21). T. 2. S. 5–12.

Об авторе

Воронин Григорий Григорьевич – аспирант кафедры отечественной истории Брянского государственного университета. E-mail: georg2_v@mail.ru

Voronin Gregory Grigorievich – Postgraduate student of the Department of Russian History of Bryansk state university. E-mail: georg2_v@mail.ru